

Юрий Колкер

СТИХИ БЕЗ ВОДРОСЛЕЙ

Об одном стихотворении Леонида Мартынова

В 1950-1960-е по Москве гуляла ревнивая шутка: «Стихи бывают хорошие, плохие и ленинградские, про которые не знаешь, хорошие они или плохие». Остриём своим она была направлена против Ахматовой, начинающего Кушнера и других, кто не вовсе столкнулся Пушкина с парохом современности, — кто помнил о русской классике, не до конца поверил, а то и вовсе не поверил, что в литературе есть прогресс, и что Маяковский и дыр-бул-щыл прогрессивны. Ленинградская советская поэтика была сдержаннее московской; рифмы чирикала/чернильница или крылечку/кромешный не всем были по душе. Иные себе и глагольную рифму позволяли.

Совершенно тот же смысл имела и карикатура в журнале *Крокодил*, прямо направленная против Ахматовой и Кушнера; её опишу словами Кушнера: «В журнале "Крокодил" / Гуляет диплодок, / Как символ грозных сил, / Похожий на мешок». Шутка в журнале была уже не народная, а правительственная, и пахла не ревностью, а ГУЛАГом.

Мало кто сознаёт, что и знаменитое стихотворение Леонида Мартынова «Вода благоволила литься» — тоже об этом: о ленинградских стихах:

Вода благоволила литься!
Она блистала столь чиста,
Что — ни напиться, ни умыться,
И это было неспроста.
Ей не хватало ивы, тала
И горечи цветущих лоз.
Ей водорослей не хватало
И рыбы, жирной от стрекоз.
Ей не хватало быть волнистой,
Ей не хватало течь везде.
Ей жизни не хватало — чистой,
Дистиллированной воде!

Незачем говорить, что Мартынов был до конца советским человеком (и даже поклонником Маяковского). Он и в поэзии всецело относил себя к так называемому новому миру, построенному большевиками. Это видно хотя бы из того, что приведённое мною стихотворение, совершенно свободное от авангардизма по исполнению, — четырёхстопный ямб только что не пушкинский, — записано у него не так, как я его записал, а коммерческой лесенкой, в двадцать строк вместо двенадцати. По моей догадке оно даже прямо направлено против Кушнера, который при начале своего восхождения уж очень был осторожен (дело понятное! вспомним место и время; в Москве многое можно было себе позволить, не то что в Ленинграде), но и — скучноват он был, недаром про него говорили: «Кушнер-скушнер». Кушнер в стихах рассуждает, звук у него приглушённый, между тем поэты изображают звуком не в меньшей мере, чем мыслью. Эта рассудочная суховатость и застилает глаза Мартынову, чьи стихи перенасыщены звукописью.

При этом, сам того не сознавая и вопреки своей установке, Мартынов выступил против нового мира эстетически, да так успешно, что столкнулся Маяковского и Вознесенского с самосвала современности. Книга Мартынова *Первородство* (1965) произвела тихий переворот в русской поэзии. Движение она произвела отнюдь не тихое, а очень даже громкое; она стала бестселлером — и при этом удесятирила число стихотворцев в стране; Мартынову говорили:

«Вы подняли стихотворную волну!» (и он включил эту фразу в свои стихи), — а переворот был тихий, неосознанный. Произошло же вот что. Мартынов показал, что можно не быть диплодоком, а писать ямбами (вместо крикливого дольника и ударного стиха), он позволил нам рифмовать точно и стихотворную строку начинать с прописной буквы, — дал нам то самое, чего у многих душа просила, а догма не давала. Он даже то показал, что без пресловутой лесенки, у него редкой, преспокойно можно обойтись, если не гнаться за рублём (за стихотворную строку в Совдепии обычно платили рубль). Это был билет в будущее. Это было открытие, отменявшее закрытие поэзии в чулане так называемого новаторства. Многие вдруг почувствовали, что новы в поэзии должны быть не приёмы, а индивидуальность автора — только она.

Значение антисоветского открытия Мартынова стало понятно лишь десятилетия спустя. Жупел новаторства никуда не делся. Чернь, как и прежде, поклоняется этому фетишу, — но чернь эта посерела. Нынче даже последние кривляки от стихоплётства, отказавшиеся от знаков препинания и прописных, пишут по большей части старинными ямбами и хорями, а рифмуют если не совсем точно, то хоть сколько-нибудь пристойно, — не понимая, разумеется, что этим противоречат своей эстетической установке.

Именем Мартынова назван бульвар в Красноярске, что означает: Мартынов забыт, похерен и отвергнут, притом именно как автор в доску советский. Но разве таковым не был «атеист и монист» Заболоцкий? Нет-нет, Мартынов отнюдь не бульварен. Он — большой поэт, настаиваю на этом. По мне он никак не меньше Ахматовой, которую при жизни Мартынова поносили (Соснора в стихах её называет «древней каргой»), а теперь и великой именуют. За политические (и религиозные) предпочтения мы поэтов упрекать не должны.